

© 1999 г.

И.Б. ОРЛОВ

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НЭПА:

достижения, проблематика, перспективы¹

Последнее десятилетие российской истории, весьма насыщенное событиями и неожиданными поворотами во всех сферах жизни общества, породило кризис обществоведческих наук, содержание которого до настоящего времени объяснялось, главным образом, «методологическим вакуумом». Последний, в свою очередь, стал следствием отказа от общеобязательности марксистской парадигмы. Нов более широком контексте кризис отразил проявление ряда тенденций.

Во-первых, произошел некий взрыв исторического знания в связи с широким разбросом интересов историков. Проявился интерес к истории повседневности и микроистории, к постмодернизму в исторических исследованиях (жизнь, смерть, бедность в истории и пр.) и компаративистике (война и культура, отношение полов и т.п.). Произошло изменение роли количественных методов в исторических исследованиях, все больше распространяющихся на сферу духовной и культурной жизни. Во-вторых, меняются взгляды на мир в целом и на происходящие в нем процессы. Новая картина мира поставила перед учеными задачу выработки адекватной методологии его познания. Смена научной парадигмы мировидения, когда мир предстает во всей своей сложности, нелинейности, многомерности и одновременно целостности, заставляет взглянуть на ход исторического развития с позиций многовариантности и альтернативности. А это диктует настоятельную необходимость диалога истории с другими общественными науками. В-третьих, складываются противоречивые взаимоотношения исторической науки и общественного сознания. Формирующаяся «многомерная методология» предполагает возрастание личностных факторов в этом процессе. В отечественном обществоведении впервые после долгих лет «монометодологии» исследователи выступают со своим видением исторических процессов, не прячась за общие формулировки марксистско-ленинского историзма. Но этот методологический плюрализм породил другую крайность - почти безраздельное господство субъективизма в исторических исследованиях, наиболее крайним выражением которого стали сомнения относительно статуса исторического знания (прежде всего вопрос об объективности исторического исследования). Дело в том, что ломка

¹ *Опубликовано: Орлов И.Б. Современная отечественная историография нэпа: достижения, проблематика, перспективы // Отечественная история. 1999. № 1. С. 102-116.*

исторических представлений во второй половине 80-х гг. происходила не на базе достижения историографией качественно нового уровня, а под влиянием политических изменений в стране. Первыми стали обсуждать острые проблемы советской истории не ученые-историки, а публицисты и писатели. Обсуждения эти зачастую были весьма поверхностными, а выводы — скороспелыми и слабо обоснованными.

Не останавливаясь подробно на природе этого кризиса (думается, что здесь нашли отражение как крах всей предшествующей методологической базы, так и естественный процесс саморазвития науки), следует отметить, что все больше ученых приходил к признанию диалога и множественности путей достижения истины необходимым условием приращения научного знания. В свою очередь, теоретический и научный плюрализм все больше понимается не как множественность истин («лоскутное одеяло»), а как условие разработки наиболее адекватного варианта общеисторической теории.

В наибольшей степени указанные процессы затронули историю XX столетия, несущую на себе груз идеологических догм и политических пристрастий, и, в частности, первых послереволюционных десятилетий, когда формировались и укреплялись основы советской системы. 20-е гг., прошедшие в основном под знаком новой экономической политики, как период перехода и трансформации, находятся в эпицентре дискуссий. Следует согласиться с мнением, высказанным У. Розенбергом, что нэп был периодом, когда власть предрасположена была считаться со сложной социокультурной тканью общества, с наследием дореволюционной России, входившим в непримиримое противоречие с целями и способами форсированного преобразования общества в большевистском духе.² Нэповская политика в значительно большей степени учитывала традиционно-патриархальные основы жизни большинства населения. Вместе с тем, она включала в себя и многочисленные элементы нового строя.

При обилии публикаций на тему нэпа можно констатировать, что мы о нем знаем очень и очень мало. Попытки же создания теоретических «моделей» нэпа без привлечения нового фактического материала, особенно из местных архивов (именно здесь отложилась реальная нэповская практика), неминуемо порождают новую волну мифотворчества.

От монометодологии к научной синергетике

Увлечение проблемами методологии (что было неизбежным в условиях «методологического вакуума») сыграло негативную роль в формировании

² См.: Russia in the Era of NEP. Explorations in Soviet Society and Culture. Ed. by Sheila Fitzpatrick, Alexander Rabinovich and Richard Stites. Bloomington and Indianapolis, 1991. P. 3.

современной российской историографии XX столетия. Бесперспективные споры о приемлемости (или неприемлемости) того или иного метода или подхода, «методологическая конъюнктура» (особенно это коснулось так называемого цивилизационного подхода) зачастую выводили проблему за рамки конкретно-исторических исследований, в сферу общесоциологических концепций и историософских теорий. Сложилась парадоксальная (хотя и привычная для советской историографии) ситуация, когда решение важнейших проблем отечественной истории (в том числе и нэпа) во многом обуславливается выбором того или иного подхода (формационного, цивилизационного, культурно-системного и др.), что, несомненно, ограничивает видение исторического процесса во всей его целостности. Необходима осторожность в абсолютизации методологических конструкций, вообще, и «исторического синтеза», в частности.

К сожалению, проблемы методологии продолжают оставаться фактором, разделяющим российских историков. Это наглядно продемонстрировал вышедший в 1996 г. историографический сборник по советскому периоду российской истории, ставший важным рубежом в преодолении затянувшегося кризиса отечественного обществоведения.³ Трудно не согласиться с редактором сборника Г.А. Бордюговым, что победа либеральных идей на политической сцене прямым образом отразилась на состоянии отечественной историографии. Можно понять и его опасения перед утверждением нового интеллектуального абсолютизма в лице постмодернизма (и главного течения в нем - постструктурализма) с его моделями многонаправленности и неравномерности изменений, с его дистанцированием от политических зависимостей, метода, идеологии, стратегии, авторитарной парадигмы, боязнь того, что победа цивилизационного или иного подхода приведет вновь к монопольному видению мира.⁴ Но, к сожалению, за стремлением показать историографический процесс с позиций преемственности (что можно только приветствовать) зачастую видно неприятие методов исторического познания, не укладывающихся в создаваемую картину мира, и претензии на монополию в области методологии (нападки на «субъективизм» в исторических исследованиях, противопоставление теории модернизации цивилизационному подходу, выступление против перенесения теории тоталитаризма на историю советской России и «идеологизации» последней).⁵

³ Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. М, 1996. 464 с.

⁴ Там же. С. 427-429.

⁵ Там же. С. 7,57,125,239,240.

Неубедительно поэтому звучит идея многомерности и многозначности исторического процесса (трактуемая как неразделение истории на «черные» и «белые» времена) и призыв не рассматривать историографический процесс в плоскости победы или поражения той или иной концепции или научной школы.

Получающий все большее распространение цивилизационный подход к истории не миновал и период нэпа. О. Лацис, подчеркивая тот факт, что до сих пор преобладали формационные оценки нэпа (его взаимодействие с капиталистической и социалистической формациями), отметил, что нэп и прежде всего его роль в развитии современной индустриальной цивилизации в нашей стране не оценивались с общецивилизационной точки зрения. Хотя автор опять же сводит изучение этого аспекта не столько к обстоятельствам возникновения и развития нэпа, сколько к причинам его свертывания в конце 20-х гг.⁶ В рамках цивилизационного подхода видно, что для России проблема индустриализации (понимаемая как создание машиностроительной промышленности) была тесно связана с достижением экономической независимости. А так как до 1917 г. эта общенациональная задача не была решена, то ее разрешение стало первоочередной проблемой в советское время. Хотя очевидна подмена цели: общецивилизационная задача трактовалась как задача построения основ социализма.⁷

Весьма запоздалой является попытка поставить ребром вопрос о пригодности в настоящее время старой формационной теории с ее понятиями социализма и капитализма. Формационный подход (как и другие) имеет полное право и реальные возможности занять свою нишу среди исторических методов. Именно это, а не претензии на некий новый монополизм, диктует современное видение мира. С этих позиций вопрос о том, что должно прийти на смену формационной теории, по меньшей мере, некорректен с научной точки зрения. Ответ на него может быть дан только в рамках сотрудничества (синергетики) различных школ и методов. Это отнюдь не призыв к некоему синтезу (синтез всегда предполагает отрицание) или, тем более, к эклектическому смешению различных подходов. Речь идет о равноправном сотрудничестве при сохранении самостоятельного места и роли каждого из методов. Пора отказаться от поисков какого-либо универсального метода познания мира, и человека. На сложные вопросы не бывает простых ответов.

Это наглядно демонстрируют исследования конкретных исторических фактов и явлений. Очевидно, что изучение такого сложного,

⁶ Лацис О. Нэп - цивилизационный аспект // Свободная мысль. 1991. № 18. С. 39.

⁷ Черняк Е.Б. Цивилизации и революции // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С.

противоречивого и разнородного явления, как нэп без тщательного рассмотрения его отдельных сторон и составных частей не позволит понять его сущность. При такой подходе нет места противопоставлению различных групп историков: общая теория исторического знания строится «снизу» на основе изучения различных сторон нэпа, а не ориентируется на философские и социологические схемы. Эта особенность современной историографии (персонификация исторического процесса в условиях, когда принципиальные теоретические вопросы отодвинуты на второй план) отмечена С.А. Павлюченковым.⁸ Подобная ситуация в немалой степени стала следствием попыток строить теоретические конструкции без опоры на широкомасштабные и разносторонние конкретно-исторические исследования.

Новое рождение теории альтернатив

Активное отступление от унифицированного подхода к изучению истории советского периода, в том числе и к трактовке нэпа (своеобразный «ренессанс» нэпа), начавшийся в конце 80-х гг., в определенной степени был «спровоцирован» политическими интересами власть предержащих. В апреле 1987 г. А.Н. Яковлев призвал обществоведов к изучению причин отказа от нэпа,⁹ и советская историческая наука поспешила выполнить социальный заказ властей. Идеологизированный подход к нэпу в перестроечный период (в нем искали истоки перестройки и аргументы для анализа причин деформации социализма) позволил увидеть в нем реальный путь выхода из экономического и политического тупика, в котором оказалась страна, альтернативу сталинской командно-административной системе. Поэтому проблема альтернативности становится основной в суждениях о нэпе, а по мере разрастания дискуссии вопрос переходит в плоскость выяснения того, почему эта политика не стала альтернативной и долговременной. Диапазон интерпретаций нэпа оказался предельно широким: от представлений о нем как о «золотом веке» до схем «тоталитарного нэпа», от восторженных его оценок, как «прорыва во что-то новое», до критического понимания того, что нэп был новой политикой только для большевиков, а основная масса людей восприняла ее как возврат к старому порядку. Наметилось несколько подходов в объяснении причин свертывания нэпа, разница между представителями которых в современных историографических исследованиях сводится к «субъективному» и «объективному» (или «оптимистическому» и «пессимистическому») видению истории 20-х гг.

⁸ См.: Исторические исследования в России. С. 222,227,236.

⁹ См.: Вестник АН СССР. 1987. № 6. С. 69.

Для первых решающее значение имели волевые действия Сталина и его окружения, в связи с чем допускалась возможность решения социально-экономических задач на базе «традиционного» нэпа менее болезненно, постепенно и сбалансировано. Альтернативность виделась в конкретных формах хозяйствования. Другая точка зрения заключалась в отрицании того, что нэп мог стать альтернативной системой или, по крайней мере, что она могла быть реализована. «Объективисты» считали слом нэпа неизбежным из-за нарастания к концу 20-х гг. непреодолимых внутренних противоречий (кризисность нэпа, ограниченность сферы действия рыночных механизмов, преимущественная обусловленность высоких темпов экономического «роста» в 20-е гг. «восстановительным эффектом» и т.п.). Близка к этой позиции точка зрения тех исследователей, которые ставили отказ от нэпа в зависимость от того, что экономические преобразования, проводившиеся в жестко установленных рамках, не были подкреплены политическими реформами.

Важно отметить, что и защитники идеи насильственного свертывания нэпа, и сторонники неизбежной командно-административной трансформации совершают определенную эволюцию собственных взглядов. Деление на «объективистов» («пессимистов») и «субъективистов» («оптимистов»), весьма условное и имеющее скорее эмоциональную окраску, чем научные критерии подобного водораздела, отражает не только и не столько позиции тех или иных обществоведов, сколько различные этапы в исследованиях новой экономической политики. Как в свое время доминирующие положительные оценки нэпа стимулировали анализ его «негативных» черт (прежде всего периодических кризисов, сотрясавших все сферы жизни нэповского общества), так и преобладание аналитических выводов «пессимистов» в настоящее время заставляет некоторых авторов перемещаться на «умеренно-оптимистические» позиции. Видение современной историографии 20-30-х гг. как процесса противоборства двух парадигм («оптимистической» и «пессимистической») и, соответственно, деление ученых на сторонников той или иной точки зрения открывает широкие возможности для манипулирования. Приходится с горечью констатировать сохранение в научном сообществе стремления вести «диалог» старыми, испытанными методами деления на «своих» и «чужих».

Постановка вопроса об альтернативности неизбежно вела к поиску конкретных форм альтернативного развития. И такую форму многие увидели в «бухаринской альтернативе», особенно с 1988 г., когда праздновалось 100-летие со дня рождения Н.И. Бухарина. «Бухаринская альтернатива» одними авторами рассматривалась как реальная, жизнеспособная политика, не

принятая в результате навязывания партии сталинской стратегии,¹⁰ тогда как другие авторы, признавая наличие «бухаринской альтернативы», скептически относились к возможности ее реализации.¹¹ Лучшим считался синтез бухаринского и сталинского вариантов. Возникает вопрос и о третьей, небухаринской альтернативе сталинскому курсу в качестве первого пятилетнего плана, в основе которого лежали сбалансированный рост и принципы нэпа.

Начало нового этапа историографии (сменяющего уходящий этап «белых пятен», «разоблачительства» и исторических альтернатив) С.А. Павлюченков связывает с переходом к постижению закономерностей общественного развития. Можно согласиться с мнением исследователя, что сейчас утрачен смысл поисков «деформаций» социализма или социалистических «альтернатив» реальному историческому опыту.¹² Но вряд ли это снимет проблему исторических альтернатив вообще. С общефилософской точки зрения дискуссия об альтернативности и детерминизме бесплодна и ненаучна. Противопоставление этих понятий есть антиномия - противоречие, не разрешаемое логическим путем. Поэтому апология одной стороны и уничтожение другой - дело не науки, а богословия. Историк же должен анализировать конкретные исторические ситуации. История никогда не повторяется один к одному, поэтому невозможно доказать реальность несостоявшегося хода событий. Но нельзя не видеть, что обращение к «сослагательному наклонению» расширяет наши представления о прошлом, позволяет оценивать потенциал отдельных лидеров, групп, партий и социальных слоев. Это более важно, чем споры о том, был ли предопределен сталинизм. М.М. Горинов склонен видеть скорее негативные последствия в отказе пост-перестроечной историографии от поиска альтернатив, в признании изначальной запрограммированности перерождения советского режима существом марксистской доктрины и характером большевистской партии.¹³ Думается, «слухи о смерти» теории альтернатив «несколько преувеличены».

Наиболее целостная концепция нэпа, выдвинутая В.П. Дмитренко, несла в себе принципиальное положение о наличии альтернативности в нэпе

¹⁰ См.: Бордюгов Г.А., Козлов В.А. Поворот 1929 года и альтернатива Бухарина // Вопросы истории КПСС. 1988. № 8. С. 15-33; Наумов В.П. Возвращение к правде // Бухарин: человек, политик, ученый. М., 1990. С. 8-62. и др.

¹¹ См.: Данилов В.П. «Бухаринская альтернатива» // Там же. С. 82-130; Попов Г.Х. К 100-летию со дня рождения Н.И. Бухарина // Вопросы экономики. 1988. № 9. С. 93—94. и др.

¹² См.: Исторические исследования в России. С. 222,227,236.

¹³ Там же. С. 239-240.

как потенциала и возможности Она могла реализоваться только при условии изменения идеологии большевизма или в случае отстранения компартии от власти, но и то и другое в начале 20-х гг. было уже невозможно. Поэтому проблема альтернативности трансформируется с учетом того, что сосуществовало рядом с нэпом. Вывод о том, что нэп существовал в политике как одна из тенденций, а в экономике как один из ее элементов, стал новым шагом на пути создания многомерной и вариативной «модели» 20-х гг.¹⁴

К середине 90-х гг. исследования выходят на качественно новый уровень: анализу подвергаются все аспекты и стороны нэпа, начинается тщательное исследование его сущности и практики, замыслов и реальных действий правящей партии. Выход на новую ступень определился, во-первых, освобождением (хотя, в большей степени, внешним) от идеологических и административных факторов, во-вторых, вовлечением в оборот новых источников. Вновь дискутируется вопрос об альтернативности нэпа, но спор переводится в другую, концептуальную плоскость: нэп - определенная политика, идеология в конкретно-исторический период или своеобразная реакция руководства РКП(б) на угрозу утраты власти, набор средств и методов для решения конкретно-исторической задачи?¹⁵

Перспективы системного исследования нэпа

Главное отличие современной историографии нэпа от перестроечной - отказ от чрезмерно оптимистических его оценок и переход на более объективное освещение различных его сторон, большее внимание к динамике нэпа, сложной борьбе «старого» и «нового», внутренним и внешним конфликтам и противоречиям складывающейся системы и ее эволюции, постановка таких вопросов, как возможность или невозможность фронтальной «пересменки» форм экономической политики руками одной и той же власти, содержание и хронологические границы сугубо нэповского в экономике и политике 20-х гг., кризисы нэпа и т.д. Весь этот комплекс проблем определил содержание нового этапа его изучения.¹⁶

В последних исследованиях получили конкретно-историческое обоснование преимущественно аналитические выводы «пессимистов» о перспективах нэпа. Например, Н.Л. Рогалина полагает, что он был обречен, так как ущербность рынка с самого начала во все возрастающей степени позволяла принимать экономические решения волевым путем. В конце

¹⁴ Дмитренко В.П. Четыре измерения нэпа // Вопросы истории КПСС. 1991. № 3. С. 125-132.

¹⁵ Никулин В.В. Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование (1921-1929 гг.). СПб., 1997. С. 22.

¹⁶ См.: Нэп: приобретения и потери. М., 1994. С. 4-5.

концов система нэпа омертвела в результате попыток планирования многоукладной экономики и полунатурального крестьянского хозяйства, приспособления их к нуждам форсированной индустриализации.¹⁷ Весь период нэпа, по убеждению Г.П. Дегтярева, его сотрясали мощнейшие удары идеологической дубинки. Политический кризис конца 20-х гг. стал следствием проведения глубоко идеологизированной экономической политики.¹⁸ Анализ важных экономических решений периода нэпа, реальных трудностей и преград на пути экономических преобразований 20-х гг. позволил С.В. Цакунову показать, как под воздействием реалий нэповского общества руководители страны были вынуждены изменять доктрину, как последняя влияла на принятие важнейших экономических решений. Политики, направлявшие «сверху» процесс преобразований, находились в плену доктрины, не сумели пожертвовать ею ради жизни и самой реформы.¹⁹ Действительно, экономически нэп не смог справиться с противоречиями между плановыми «командными высотами» и рыночными отношениями, а идеологически оказался под прессом перспективы социально-однородного общества. Кроме того, судьба нэпа во многом зависела от идеологической схемы «строительства социализма в одной стране»: воздействие мирового рынка искажалось замкнутым положением страны.

Широко распространившаяся точка зрения о том, что нэп был вынужденным отступлением и вызывался причинами скорее политического порядка, в свою очередь породила представление о нем, как о внесистемном конгломерате мероприятий, фрагментарных и поверхностных, не затрагивающих структурные элементы экономики, носящих скорее тактический характер, и поэтому «обрыв» его в конце 20-х гг. был заложен изначально. Хозяйственный механизм нэпа рисуется как своеобразный гибрид, эклектическое сочетание директивного планирования и рынка, а под нэпом в целом понимается только один аспект экономической политики Советского государства - допущение в определенных пределах товарно-денежных отношений и нераспространение этой политики в другие хозяйственные связи 20-х гг.

По мнению Е.В. Богомоловой, нэп никогда не существовал сам по себе как совершенно самостоятельный этап в экономическом развитии страны. Механизм хозяйствования нэпа развивался как под воздействием

¹⁷ Рогалина Н.Л. Новая экономическая политика и крестьянство // Там же. С. 142-143.

¹⁸ Дегтярев Г.П. Нэп: идеологические тупики реформы // Вестник Российской Академии наук. 1992. № 4. С. 14,26.

¹⁹ Цакунов С.В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М., 1994. С. 3.

самоорганизации экономики при допущенных контролем со стороны государственных и партийных органов. Это сочетание самоорганизации и государственного регулирования создало специфический механизм хозяйствования к середине 20-х гг.²⁰

Лишь одно из направлений движения, а отнюдь не осевую линию развития советского общества увидел в нэпе В.П. Дмитренко. Даже в рамках восстановительного периода «заявка» нэпа не смогла воплотиться в достаточном объеме. Это указывает, по мнению ученого, что не существовало в природе нэпа как некоего целого, системного, достаточно оформленного: в политике это была лишь одна из тенденций, а в экономике - один из ее элементов. Если понимать, что не могло быть «чистого» замещения «военного коммунизма» нэпом, а также то, что нэп вместе с позитивными рождал негативные тенденции, готовивших его свертывание, такой подход сводит рассмотрение нэпа не как самодвижущегося, развивающегося во всеохватных границах фактора, а как одной из составляющих очень сложной и противоречивой системы, законы развития которой в конечном счете и определили его судьбу как фактора подчиненного и временного.²¹ Все больше авторов считают, что нэп был не целостной системой, а всего лишь набором средств и методов, обеспечивающих политическое выживание для правящей партии. Учет доктринальных основ большевизма, в принципе отрицавших товарно-денежные отношения, позволил отдельным исследователям сделать вывод, что никаких шансов на выживание у нэпа не было. Его крушение было неизбежным и в силу той социальной обстановки, в условиях которой он создавался. В «тоталитарном» режиме он был подчинен политике, рыночные реформы носили формальный, половинчатый характер.²² Из изложенного видно, что подобный разброс мнений в огромной степени вызван отсутствием достаточно четкого определения сущности новой экономической политики, понимания того, в какой степени она была направлена на создание стройной и целостной хозяйственной системы, а в какой мере разрушала ее.

²⁰ Богомолова Е.В. Управление советской экономикой в 20-е годы: опыт регулирования и самоорганизация. М., 1993. С. 8-10,150.

²¹ Дмитренко В.П. Четыре измерения нэпа // Нэп: приобретения и потери. С. 30-31,34—35.

²² См.: Евстигнеев В. Политическая экономия и политический выбор: возвращаясь к истокам // Вопросы экономики. 1990. № 3; Журавлев В.В. Учит ли нас исторический опыт? // Кентавр. 1993. № 5. С. 73; Никулин В.В. Указ. соч. С. 22; Ханин Г.И. Почему и когда погиб нэп // ЭКО. 1989. № 10. С. 66-83 и др.

Утверждение, что новая экономическая политика не имела системности, заставляет искать более широкую систему, подсистемой которой она является. В.П. Дмитренко рассматривал в качестве таковой советскую систему («советскую модель социализма») как движение через взаимодействие общественного (государственного) и личного. Но на общегосударственные задачи (индустриализация, модернизация села, укрепление обороноспособности и пр.) навешивались социалистические ярлыки. Возникшая на основе строгой соподчиненности всех своих элементов (идеология, политика, культура, экономика и др.), эта жесткая система, по мнению ученого, не содержала в себе импульса к развитию.²³ В. Мау трактует нэп как одну из фаз на сложном пути развития российской революции, ее заключительный этап. Если рассматривать первую треть XX в. как целостный период в развитии основ государственного регулирования экономики, то в этом контексте нэп означал вступление революционного процесса в завершающую фазу, отличительным признаком которой было формирование новой системы отношений собственности.²⁴

Но в современной историографии 20-х гг., возможно неосознанно, сохраняется стремление к системному исследованию нэпа. Одной из первых таких попыток можно считать работу М.М. Горинова и С.В. Цакунова, в которой авторы приходят к принципиальным выводам о том, что нэп был вынужденным шагом, продиктованным обстоятельствами, и, следовательно, в политико-идеологической сфере представлял собой жесткий однопартийный режим, а в экономике - административно-рыночную **систему** хозяйствования.²⁵ Развивая данный подход, М.М. Горинов представляет экономику нэпа в виде дуалистической административно-рыночной системы, с изначально скованной рыночной тенденцией, реализующейся преимущественно в периферийных секторах экономики.²⁶ Как **система временных мер** по ликвидации диспропорций в народном хозяйстве предстает нэп в книге Е.В. Богомоловой. Причем эти диспропорции явились следствием не столько войны и разрухи, сколько стремления в короткие сроки реализовать на практике социалистические идеи. Нэп стал компромиссом между командно-административными и экономическими

²³ Дмитренко В.П. Советская модель социализма // Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994. С. 533,541,544.

²⁴ Мау В. Нэп в контексте российской революции // Нэп: приобретения и потери. С. 43-47; его же. Революция и экономическая политика // Российская империя, СССР, Российская Федерация: история одной страны. Прерывность и непрерывность отечественной истории XX века. М., 1993. С. 58,72,76.

²⁵ Горинов М.М., Цакунов С.В. Ленинская концепция нэпа: становление и развитие // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 38.

²⁶ См.: Исторические исследования в России. С. 243, 272.

методами в управлении экономикой.²⁷ Хотя и противоречивую, эволюционировавшую, но все же систему, представляет собой нэп в исследованиях В. Маневича. Основными компонентами ее, по мнению экономиста, были: индивидуальное крестьянское хозяйство, хозрасчетная государственная промышленность, частная торговля и промышленность, государственная и кооперативная товаропроводящая сеть, денежная и кредитная системы, система организации рынка, зачатки рынка капиталов.²⁸ Аналогичный подход предложен авторами введения к пятой главе коллективной монографии «Очерки экономических реформ» (М., 1993), рассматривающих нэп как **комплекс реформ** в различных отраслях народного хозяйства (т.е. опять речь идет о наличии некоего системного качества).²⁹

Постепенно происходит осознание необходимости и перспективности системного подхода с его специфическим кругом понятий (элемент, структура, функция, подсистема, среда и т.п.) и методическим аппаратом (декомпозиция, системный анализ, моделирование). Любой социум можно описать двумя способами: во-первых, как структуру, в которой иерархия связей между индивидами формируется в результате его взаимодействия со средой (общественное производство), и во-вторых, как иерархию связей, характеризующих способ совместного проживания индивидов. В процессе саморазвития сложных систем, к которым, несомненно, относятся социальные системы, выделяются две модели – «эволюционная» и «бифуркационная». Если под первой понимается устойчивое поступательное линейное развитие системы, определяемое разнообразными детерминациями, то вторая означает состояние, когда исчезает прежнее системное качество: старые детерминации уже не определяют движение системы, а новые еще не выделились. В этих условиях возникает «карта возможностей» системы как набор потенциальных путей выхода на новое системное качество. Альтернативы первого порядка на данном этапе ее развития связаны с выбором путей дальнейшего развития структурирующейся системы, тогда как за альтернативами второго порядка на эволюционной стадии стоят варианты уже выбранного пути. Эти альтернативы не выходят за рамки заданного системой качества.³⁰ При таком подходе нэп выступает альтернативой второго порядка на пути становления «советской модели

²⁷ Богомолова Е.В. Указ. соч. С. 7, 8-10.

²⁸ См.: Новая экономическая политика: уроки хозяйственных реформ. М., 1989. С. 186.

²⁹ См.: Очерки экономических реформ. М., 1993. С. 66.

³⁰ См.: Гомаюнов С.А. Композиционный метод в историческом познании. М., 1994. С. 42-44,48,50.

социализма», характерными чертами которой стали тотальное обобществление всех областей общественной жизни, проведенное и поддерживаемое сформировавшейся административно-командной системой; осуществление власти мощным слоем управляющих, ставших важнейшим компонентом новой социальной структуры общества; идеологизация всех сторон жизни общества.³¹ Особенность утверждения административно-командной субструктуры в российском социуме в 20-е гг. заключалась в том, что становящийся «тоталитаризм», не обладая вначале возможностями охватить весь социум, не только допускает, но и поощряет существование противоположной субструктуры в экономической сфере. Окрепнув же, «тоталитарная» структура уничтожает своего антагониста.

Только наметилась серьезная и трудоемкая работа по анализу взаимодействия и взаимовлияния процессов, происходивших в исследуемый период в сельском хозяйстве, промышленности, в сфере внутренней и внешней торговли. Важно на основе широкого привлечения новых массовых архивных источников и применения ЭВМ показать баланс частного, кооперативного и государственного секторов, их вклад в национальный доход страны и, прежде всего, в создание промышленного потенциала. Необходимо представить, насколько сохранение этого хрупкого баланса влияло на сохранение нэповской системы. В более широком смысле равновесие надо рассматривать с точки зрения потребностей и условий развития системы в целом.

Нэп: проблемы политики и идеологии

Долгое время практически вне поля зрения историков оставалась проблема соотношения в этот период власти и общества, хотя отход от трактовки нэпа как чисто экономической политики и критика тезиса о якобы имевшей место демократизации политической жизни в 20-е гг. наметились еще в конце 80-х гг. У большинства исследователей нэпа не вызывает сомнений, что на экономическую политику всегда оказывают влияние три группы факторов (экономические, политические и идеологические), поэтому и на судьбу нэпа следует смотреть с точки зрения комплексного подхода.³² Триединый подход был отражен в работе С.В. Цакунова о разработке экономической доктрины правящей партии в 20-е гг.: во-первых, доктринальный (изучение публичных высказываний политических лидеров по тем или иным стратегическим вопросам); во-вторых, политологический (обусловленность принятия тех или иных решений взаимодействием

³¹ Дмитренко В.П. Советская модель социализма. С. 543.

³² См.: Вопросы социализма в экономической литературе 20-х годов (Обсуждение доклада Н. Шухова) // Вопросы экономики. 1990. № 4. С. 128.

интересов основных социально-политических групп); в-третьих, социологический (зависимость коррекций доктрины от «обратной связи» от «низов» к «верхам»³³).

Одной из важнейших проблем политической истории периода нэпа до последнего времени была проблема тоталитаризма, в возникновении которого выделяются такие факторы, как бюрократизация и милитаризация партии, социально-экономическая отсталость народа, сверхцентрализация власти, система выдвиженцев, всем обязанным режиму.³⁴ К началу 90-х гг. сложилось несколько подходов к изучению политической системы 20-х гг. Первый подразумевает отрицание принципиальной разницы между политическими системами 20-х и 30-х гг. (тоталитаризм). Н.С. Симонов противопоставляет большевистскому нэпу прообраз в виде программных документов партий эсеров и меньшевиков 1918-21 гг., в которых идея «смешанной» (государственно-рыночной) экономики сочеталась с идеями политической демократии. А большевики превратили этот комплекс мероприятий в «уступки», выхолостив из них идеи «народоправства». Анализируя эволюцию сталинского режима власти в 20-е гг. на фоне борьбы Сталина с оппозиционными группировками, ученый делает вывод, что устранение оппозиции означало продолжение реализации стратегической цели («дело Октября») в форме тирании.³⁵ Тоталитарной логику политического режима в период нэпа считает и Н. Шмелев.³⁶

Второй подход основан на признании существенных различий между авторитарным нэпом и тоталитаризмом 30-х гг. Ю.И. Игрицкий рассматривает нэп как нетоталитарную по своей сути политику, так как в этот период советская Россия по объему прав и свобод граждан и общественных организаций мало чем отличалась от других стран Восточной Европы, Центральной и Южной Америки, Китая и Японии. Политические партии в 20-е гг. запрещались в Испании, Мексике и других странах. И только с конца 20-х гг. уровень гражданских прав и свобод в СССР был снижен радикально. Считая критерием тоталитаризма степень несвободы, Игрицкий полагает недоказанным тоталитарность государственного и

³³ Цакунов С.В. Указ. соч. С. 9.

³⁴ См.: Холмс Л. Социальная история России: 1917-1941. Пер. с англ. Ростов-н/Д. 1993. С. 44-50.

³⁵ Симонов Н.С. Демократическая альтернатива тоталитарному нэпу // История СССР. 1992. № 1. С. 41; его же. Термидор, Брюмер или Фрюкtidор?: Эволюция сталинского режима власти: прогнозы и реальность // Отечественная история. 1993. № 4. С. 3.

³⁶ Шмелев Н. Новое - хорошо забытое старое // Вопросы экономики. 1994. № 4. С. 11.

общественного строя нашей страны периода нэпа.³⁷ С мнением Игрицкого о нетоталитарности нэпа согласен и Е.Г. Гимпельсон.³⁸

Более гибкой представляет позиция тех исследователей, которые рассматривают 20-е гг. как период идеологической, политической и в значительной мере практической подготовки к переходу к административно-командной системе, как единый процесс вызревания и осуществления революционных преобразований, итогом которых оказалась политическая и экономическая система, названная позднее тоталитаризмом.³⁹ В.В. Никулин отмечает тот несомненный факт, что, пережив в конце 1920 - начале 1921 г. угрозу утраты власти, большевики уже не могли ориентироваться на абстрактную идею «государства-коммуны». Нужен был более надежный механизм удержания власти, и он был найден в бюрократически-аппаратной системе на всех уровнях. Все это логично предполагало жесткую систему власти, основанную на диктатуре аппарата (олигархии).⁴⁰ Введение в 1921 г. новой экономической политики привело к еще большему усилению бюрократизации. Сущность нэпа состояла в сочетании государственного и частного капитализма в целях экономического восстановления при сохранении и даже ужесточении партийной диктатуры, подавлении внутривосстановительской оппозиции, закрепления однопартийности, назначенчества и единоначалия в экономике. В результате стал формироваться социальный слой номенклатуры со своим самосознанием. Образовавшаяся в 1921 г. система была устойчивее «военного коммунизма». Правящая элита по-прежнему стремилась установить тотальный контроль над обществом, но эти планы на несколько лет перестали быть задачей практической политики.⁴¹

В последнее время все больше историков признают бесспорным факт ужесточения политического режима в 20-е гг. без категорических оценок типа «авторитарный-тоталитарный». Так, М.М. Горинов призывает избегать терминологических споров об авторитаризме-тоталитаризме, а изучать реальный исторический процесс 20-30-х гг. Рассматривая реальные варианты социально-экономического развития, выдвигавшиеся в партии в 1920-е гг., он выделяет два основных: основанный на рыночном равновесии, как

³⁷ Игрицкий Ю.И. Снова о тоталитаризме // Отечественная история. 1993. № 1. С. 13, 16.

³⁸ Гимпельсон Е.Г. Политическая система и нэп: неадекватность реформ // Отечественная история. 1993. № 3. С. 29.

³⁹ См.: Вопросы социализма в экономической литературе 20-х годов. С. 128; Мау В. Реформы и догмы. 1914-1929. М., 1993. С. 8, 11, 96. и др.

⁴⁰ Никулин В.В. Указ. соч. С. 3, 29.

⁴¹ См.: Тоталитаризм. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 38-39, 65.

главном критерии, и базировавшийся на критерии скорейшего достижения экономической самостоятельности, высокой степени обороноспособности страны.⁴² В настоящее время последнее направление можно считать наиболее перспективным. Анализируют становление и функционирование различных уровней и звеньев партийно-государственной номенклатуры в своих работах Ю.М. Воронов, В.Б. Жиромская, Т.П. Коржихина, Г.Л. Олех и др.⁴³ На богатом архивном материале прослежен процесс ужесточения политического режима в 20-е гг. в исследованиях А.В. Блюма, В.С. Измозика, А.П. Рассказова, Г.А. Трукана.⁴⁴ Не обойдены вниманием как проблемы взаимоотношения власти и общества в целом, так и отдельных его социальных слоев (особенно разработана эта тема в отношении крестьянства), религиозных и этнических групп населения России в 20-е гг.⁴⁵

Положение технической интеллигенции советской России в 20-30-х гг. и ее взаимоотношения с большевистским режимом обстоятельно освещены в монографии В.Н. Абрамова - здесь и высылка «антисоветской» интеллигенции за границу, и «систематизация контроля ГПУ» за ней, и подготовка «новой» интеллигенции. Весь этот комплекс партийных мероприятий в 20-х гг. приобрел характер наступления по всему «идеологическому фронту». Автор показывает, что реализация нэпа не внесла существенных изменений в отношении большевиков к интеллигенции в 1921-1924 гг. Не в последнюю очередь этому способствовала сама стратегическая установка нэпа, ориентировавшая большевизм на острейшую

⁴² Горинов М.М. Нэп: поиски путей развития. М., 1990. С. 5, 57; Исторические исследования в России. С. 258.

⁴³ См.: Воронов Ю.М. Становление идеократии: истоки, ментальность, аппарат (1917—1929 гг.). Иваново, 1993. 113 с.; Жиромская В.Б. Кадры решают все!: Административно-управленческий аппарат в 20-30-е гг. по данным общих и спецпереписей // Формирование административно-командной системы. 20-30-е годы. М., 1992. С. 203-220; Коржихина Т.П., Фигантер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизм действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25-38; Олех Г.Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: Устройство и функционирование. Новосибирск, 1995. 144 с. и др.

⁴⁴ См.: Блюм А.В. За кулисами «министерства правды»: Тайная история советской цензуры, 1917—1929. СПб., 1994. 319 с.; Измозик В.С. Глаза и уши режима (Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918-1920 годах). СПб., 1995. 164 с.; Рассказов А.П. Деятельность карательно-репрессивных органов по реализации нового коммунистического курса большевиков (1921-1927 гг.). Уфа, 1993. 146 с.; Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму. 1917-1929. М., 1994. 166 с.

⁴⁵ См.: Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е гг.). Майкоп, 1994. 424 с.; Дегтев СИ. Крестьянство и формирование низовых властных структур деревни в 20-е гг. // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия. М., 1993. С. 127-146; Кашеваров А.Н. Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной церкви, 1917-1941. СПб., 1995. 138 с. и др.

схватку. Кроме того, внутривластная борьба не оставляла времени и возможности для проведения глубоких стратегических перемен. Да и сама техническая интеллигенция в этот период не давала повода для обращения на нее более пристального внимания большевистского руководства. Курс на изменение отношения к специалистам был провозглашен XIV съездом партии, но уже на XXII чрезвычайной Ленинградской партконференции вновь прозвучали угрозы в адрес неких абстрактных враждебных сил среди инженерно-технических кадров. Даже в относительно «спокойные» 1925-27 гг. власти стремились любую неудачу специалиста исправить с помощью статей Уголовного кодекса. При этом обвинения были настолько несостоятельны, что 80% дел завершались оправдательными приговорами или прекращались еще на стадии следствия.⁴⁶

В настоящее время рушится привычное восприятие нэповского общества как пассивного объекта властного воздействия РКПТ(б). Большевики весной 1921 г. использовали для спасения своей диктатуры экономические программы, разработанные эсерами и меньшевиками в 1919-20 гг. Но заимствовав идеи продналога и свободы торговли, они не могли пойти на политическую демократизацию. Непоследовательность и силовые способы проведения нэповских преобразований вызвали весной-осенью 1921 г. волну массовых казачьих и крестьянских восстаний на Северном Кавказе.⁴⁷ В Сибири высокий процент продналога в 1921-22 гг. (58% от продразверстки) вызвал крестьянский протест в различных формах: коллективные и единоличные ходатайства о снижении ставок налога; сокрытие скота и пашни, недосев; уничтожение собственного имущества; переезды в хлебобродные районы; побег в тайгу; избиения и убийства продработников и сельских активистов; локальные коллективные выступления и пр. Только к концу 1923 г. крестьянство Сибири смирилось с формами и методами нэпа, во многом благодаря введению единого сельскохозяйственного налога в денежной форме и переходу к определению налога по действительной урожайности.⁴⁸

Продолжаются исследования острой внутривластной борьбы и политических дискуссий внутри правящей партии. Причем акценты все

⁴⁶ Абрамов В.Н. Техническая интеллигенция России в условиях формирования большевистского политического режима (1921 -конец 30-х гг.). СПб., 1997. С. 31,33,37-38, 47-18,61.

⁴⁷ Баранов А.В. Партия социалистов-революционеров в условиях НЭПа (по материалам Северного Кавказа) // Россия 20-х годов уходящего столетия. Тезисы Первой Всероссийской заочной научной конференции / Научн. ред. С.Н. Полторак. СПб., 1995. С. 28.

⁴⁸ Сосков В.В. Формы крестьянского протеста против экономической политики власти в начальный период нэпа (по материалам Сибири) // Там же. С. 25-27.

больше смещаются в сторону поиска взаимосвязей этих процессов с общим курсом на ужесточение политического режима и огосударствление всех сфер общества.⁴⁹ При учете «промежуточного» положения нэпа между «военным коммунизмом» и «социалистической» индустриализацией становится заметно, что нэп унаследовал от предшествующего периода не только косность аппарата управления и непрерывно растущую бюрократизацию, но и груз идеологического и социально-психологического наследия «военного коммунизма», особенно в среде правящей партии. Так, В.В. Симонов на примере эволюции взглядов Н.И. Бухарина убедительно показал, что в этот период не был совершен радикальный пересмотр нетоварной парадигмы.⁵⁰

В связи с этим представляется важным углублению ряда конкретных аспектов изучения нэповского общества, а именно: политологический анализ общественно-политической ситуации в стране, ее динамики и последствий принятия политических решений на положение в экономике; анализ проблем труда и занятости, социальной напряженности. Последний аспект приобретает особое значение с учетом разрастающегося интереса к исследованиям в сфере повседневности и менталитета.

Реальная повседневность 20-х гг.

Если на начальном этапе обращения к истории повседневности и менталитета в отечественной исторической науке в центре внимания находились дискриминируемые (спецпереселенцы, лишенцы, жертвы ГУЛага) и маргинальные группы, а не широкие слои населения,⁵¹ то уже в первой половине 90-х гг. положение кардинально меняется.⁵² Совершенно

⁴⁹ См.: Земцов Б.Н. Оппозиционные группировки 20-30-х годов: (Саморазрушение революции). М., 1992. 126 с.; Политические дискуссии в 20-е годы: [Сб. ст.]. М., 1992. 128 с.; Орлов И.Б. Социально-экономические аспекты общепартийной дискуссии 1923—1924 годов. М., 1994. 89 с.; Роговин В.З. Власть и оппозиция. М., 1993. 398 с.

⁵⁰ Симонов В.В. Невидимая грань. «Альтернатива» Бухарина и генеральная линия ВКП(б) в 20-х годах // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 1993. № 1. С. 34-35.

⁵¹ См.: Лебина Н.Б. Теневые стороны жизни советского города 20-30-х годов // Вопросы истории. 1994. № 2.; Литвак К.Б. Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 74—88; Угроватов А.П. Проституция в Сибири в двадцатые годы // ЭКО. 1993. № 4. С. 165-175; Шишкин В. Шарыповское дело (К истории красного бандитизма в Сибири) // Сибирские огни. 1993. № 5/6. С. 115-130. и др.

⁵² См.: Дмитренко Н.М. Новая экономическая политика в России в восприятии ее современников // Из истории социальной и общественно-политической жизни Советской Сибири. Томск, 1992. С. 106-112; Ибрагимова Д.Х. НЭП и перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997. 218 с.; Черных А.И. Проблемы семьи и брака в первое десятилетие Советской власти // Социалистический идеал: вчера, сегодня, завтра. М., 1992. С. 165-202; Юдина Т.В. Социальная политика

очевидно, что проблемы менталитета, общественно-психологической ситуации в стране в 20-е гг. (впрочем, как и влияние идеологии на экономическую сферу) должны занять свое далеко не последнее место в современном обществоведении. П.А. Сорокин обращал особое внимание на продолжавшуюся в 1921-22 гг. морально-правовую деградацию, на фоне которой в 1922 г. наметилась и здоровая реакция. Массовая психология и идеология изменились по существу, что проявилось, прежде всего, в отрицательном отношении к коммунизму, социализму и ко всему, что с ним связано. С другой стороны, восстанавливалось положительное отношение к частной собственности и собственнику, наблюдались серьезный подъем религиозности и привязанность к церкви, в частности, к православной, резкий рост национального чувства и полное дискредитирование интернационализма, глубокое осознание необходимости надеяться только на себя и рост веры в возрождение России и русского народа.⁵³

Переход к нэпу усилил социальное расслоение общества и привел к серьезным изменениям в общественной психологии и социальном укладе жизни. На изменение психологии масс влияли такие факторы, как вопиющее противоречие между обещаниями «всеобщего равенства и справедливости», благосостояния и реальной действительностью; процесс деклассирования пролетариата: усталость от тягот повседневной жизни и неопределенности. Низкий уровень жизни, страх потерять работу вызывали у рабочих чувство незащитности перед произволом государственных структур и способствовали развитию тенденции к приспособленчеству. В период нэпа начинает складываться и функционировать государственная система предоставления социальных благ населению: жилье, бесплатное медицинское обслуживание, страхование. Это стало мощным средством воздействия на общество, сознание членов которого все более деформировалось.⁵⁴ Не последнюю роль в этом процессе играла «национализация» культуры и ее прагматизация, связанная с ликвидацией культурного неравенства различных слоев населения. Разрыв с культурой прошлого и гипертрофированно идеи борьбы как способа человеческого существования, догмат исторического превосходства «нового человека» формировали идеологию и культуру бесчеловечности. Переход к нэпу коммерциализировал культуру, что вызвало отток художественной интеллигенции в ведение частной антрепризы и рост ее безработицы, особенно в провинции. Это, в свою очередь,

партии большевиков и массовое сознание рабочих в период НЭПа // Россия 20-х годов уходящего столетия. С. 30-31. и др.

⁵³ Сорокин П.А. Россия после нэпа // Вестник Российской Академии наук. 1992. № 3. С. 80-81.

⁵⁴ См.: Юдина Т.В. Указ. соч. С. 30-31.

порождало весьма пессимистические настроения в среде творческой интеллигенции.⁵⁵

Но изучение вопросов быта и психологии широких слоев населения (прежде всего жизни так называемого маленького человека) только началось. Несмотря на проделанную в этой области большую работу, расширение источниковой базы исследований (письма, дневники, мемуары, данные судебной статистики и пр.) и связанных с этим методов отбора и использования документов ставит в повестку дня такие вопросы, как стратификация нэповского общества, влияние демографических факторов на социальное поведение, мозаичность массового сознания, политическая культура и политическое поведение различных слоев населения. Ментальные параметры оценки власти (справедливость, свобода, целесообразность и оправданность властных действий) в условиях «переходного общества» тесно связаны с проблемой легитимности власти и пределов властных полномочий в массовом сознании. Венчает исследовательскую пирамиду проблема идентификации, понимания собственного места индивида в социальной структуре и вопрос о самоидентификации различных социальных слоев. Почти незатронутой остается сфера формирования рыночного и тесно связанного с ним гражданского, конституционного сознания.

* * *

Середина 90-х гг. - время подведения первых итогов в изучении новой экономической политики в условиях освобождения исторической науки (пусть медленного и не всегда однозначного) от идеологических догм и политических пристрастий⁵⁶. Первый вывод очевиден: исследовательский интерес к «двусмысленному нэпу» (выражение В.П. Булдакова) вышел за рамки отраженной в историографических работах тематики. Если перестройка открыла дорогу новой, рыночной догме, грозившей похоронить

⁵⁵ См.: Серегин С.В. К вопросу о содержании культурной политики российского государства в начале 20-х годов XX века // Россия 20-х годов уходящего столетия. С. 32-33; Еремеева А.Н. НЭП и провинциальная художественная интеллигенция (по материалам Кубани) // Там же. С. 23-24.

⁵⁶ См.: Алексеева Г.С. Новейшая отечественная историография о причинах окончания нэпа (вторая половина 80-х - начало 90-х гг.) // Отечественная и всеобщая история: методология, источниковедение, историография. Брянск, 1993. С. 33-35; Горинов М.М. Советская история 1920-30-х годов: от мифов к реальности // Исторические исследования в России. С. 239-277; Камышин В.Д. Историография новой экономической политики // Тезисы докладов второй республиканской научной конференции «История Советской России: Новые идеи. Суждения». Ч. III. Тюмень, 1993. С. 48-50; Кулагин Г.А. О некоторых проблемах нэпа в новейшей отечественной историографии // Актуальные проблемы отечественной истории. Воронеж, 1995. С. 94-99; Орлов И.Б. Новая экономическая политика: проблемы методологии и историографии // Дискуссии по истории Отечества. Сборник статей. Симферополь, 1997. С. 122-138. и др.

под собой объективное исследование 20-х гг., то в период постперестройки интерес экономистов и историков к нэповским проблемам «потух», так как реформы тех лет перестали быть источником вдохновения из-за их ограниченного характера. Спад перестроечной эйфории в отношении нэпа показал, что развитие народного хозяйства в 20-е гг. шло сложно и противоречиво, через кризисы, обусловленные самим характером хозяйственной системы. Стало очевидно, что сам «великий перелом» был, кроме всего прочего, и способом разрешения противоречий нэпа. Новый этап расширил проблематику исследований и анализ новой экономической политики в более широком контексте истории страны первой трети XX в. А это, в свою очередь, оживило интерес к сравнительно-историческим исследованиям.

90-е гг. ознаменовались примерно в равной степени интересом как к положению «командных высот в экономике», так и к развитию частного сектора народного хозяйства России - СССР 20-х гг.⁵⁷ Особое место в историографии новой экономической политики (во многом под влиянием рыночных реформ) продолжают занимать исследования финансовой системы и торговой практики этого периода.⁵⁸ Сборник документов о советской товарной бирже 20-х гг. разрушает один из популярных мифов о двух этапах нэпа: якобы сначала шло создание полноценного рыночного механизма, а затем это стремление сменилось линией на уничтожение в нэпе всего рыночного. На самом деле, рыночные механизмы нэпа с самого начала были «инфицированы» вирусами командного управления экономикой. Развитие этих вирусов в благоприятной внешней среде и привело к гибели основных элементов нэпа, в том числе и товарных бирж.⁵⁹ В свою очередь, общественные коллизии современности стимулировали исследовательский интерес к демографическим и социальным проблемам периода нэпа

⁵⁷ См.: Белов С.В. Проблемы функционирования частного капитала в период нэпа: К методологии вопроса: возможности социологического подхода // Факторы становления социального облика молодого российского предпринимателя. Н. Новгород, 1995. С. 294-298; Касьяненко В.И. Нэп и акционерное предпринимательство в СССР. М., 1991. 64 с. (сер. «Политическая история XX века». № 5); Кунин В. Концессионная политика в Советской России (1923-1929 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 1993. № 5. С. 24-30; Лютов Л.Н. Государственная промышленность в годы нэпа. 1921-1929. Саратов, 1996. 320 с.; его же. Частная промышленность в годы нэпа (1921-1929). Саратов, 1994. 147 с. и др.

⁵⁸ См.: Голанд Ю. Валютное регулирование в период нэпа. М., 1993. 104 с; Новиков А.Н. Краткосрочные государственные займы в период НЭПа // Банковское дело. 1994. № 1 С. 36-39; Толстова Н.Н. Нижегородская ярмарка в условиях новой экономической политики // Факторы становления социального облика молодого российского предпринимателя. С. 285-294. и др.

⁵⁹ Советская товарная биржа: 20-е годы. Документы и материалы. М., 1992. С. 6.

(особенно к такому болезненному вопросу, как безработица и социальное обеспечение малоимущих слоев).⁶⁰ Продолжается активная разработка традиционной для российской историографии крестьянской тематики, вопросов кооперативного строительства и агропромышленной интеграции в 20-е гг. Но и в исследованиях данной проблематики прослеживается общая для всей современной историографии нэпа тенденция анализировать процессы монополизации и огосударствления аграрной сферы, рост властного насилия.⁶¹

Материалы Всероссийской заочной научной конференции «Россия 20-х годов уходящего столетия» (СПб., 1995) свидетельствуют о сохранении научного интереса к истории этого периода и расширении проблематики исследований новой экономической политики.⁶² Ее участники очертили вопросы в исследовании истории 20-х гг., слабо освещенные в отечественной историографии. В их ряду следует отметить проблему внешнеэкономических связей России на уровне регионов. Н.В. Коненкова показывает зависимость активизации внешнеэкономических связей Дальневосточного региона с Китаем от разрыва связей с центральной частью страны в результате экономического кризиса, вызванного революцией и Гражданской войной. Но введение уже с весны 1923 г. общесоюзных таможенных тарифов и лицензионной системы, дальнейшая политика заградительного характера (централизация в области внешней торговли, сокращение частного предпринимательства и пр.) привели к резкому сокращению внешнеторгового оборота региона. В условиях дефицита российских товаров это неминуемо вело к росту контрабанды, что, в свою очередь, подрывало

⁶⁰ См.: Жиромская В.Б. После революционных бурь: население России в первой половине 20-х годов. М., 1996. 158 с.; Криворучко А.Н. Социальная политика в период нэпа // Проблемы социальной политики и общественно-политической мысли в России и СССР: Из истории социальной политики и социально-политической мысли СССР. М., 1992. С. 111-166, Лунина Т.В. Решение проблем социального обеспечения в период нэпа (на материалах губерний Центрального Черноземья) // Актуальные проблемы отечественной истории. Воронеж, 1995. С. 88—94; Максимов С.В. Структура безработицы 20-х годов в СССР: Новый подход к ее изучению // Россия и США на рубеже XIX-XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. М., 1992. С. 210—232; Поляков Ю.А. Воздействие государства на демографические процессы в СССР (1920-1930-е годы) // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 122-128. и др.

⁶¹ См.: Ильиных В.А. Хлебозаготовительная кампания 1924/25 гг.: ОГПУ как инструмент регулирования рынка // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №2. С. 67—72; Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997. 156 с.; Фаин Л.Е. Советская кооперация в тисках командно-административной системы (20-е годы) // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 35-47. и др.

⁶² См.: Россия 20-х годов уходящего столетия.

позиции государства на рынке.⁶³ О существовании проектов проведения индустриализации за счет «нефтедолларов» свидетельствуют исследования нефтяной промышленности советской России - СССР 20-х гг. Уже с 1922 г. ежегодный прирост добычи нефти составил около 1 млн. т. В том же году она пошла на экспорт. А в 1925 г. уровень довоенного экспорта был превзойден. Но серьезных попыток вывести отрасль за пределы Кавказа в это время не предпринималось.⁶⁴

Рассекреченные в последнее время архивные материалы по истории военной промышленности СССР позволили приступить к исследованию ранее закрытой сферы — военно-промышленного комплекса - совокупности «государственной военной промышленности и органов непосредственного управления ею, а также учреждений, обеспечивающих ее деятельность и занятых в ней работников», начало складывания которого относится к 20-м гг.⁶⁵ А это, в свою очередь, настоятельно требует показа того, как постепенно «состояние войны» охватывало все нэповское общество и, прежде всего, правящую партию. Оруэлловские слова о том, что ментальность члена партии «должна соответствовать состоянию войны. Неважно, идет война на самом деле, и, поскольку решительной победы быть не может, неважно, хорошо ли идут дела на фронте или худо. Нужно одно: находиться в состоянии войны», - как в зеркале отражают процесс трансформации общественного сознания в 20-е гг.⁶⁶ Дело ученых показать, как, в каких формах и на каких уровнях общества происходила подобная трансформация. Как «провокационный» этап складывания советского имперства представляется В.П. Булдакову нэп, цель которого заключалась в том, чтобы «подловить» буржуазию и оппозицию. И в этом качестве, по мнению ученого, он был наиболее функционален. Партия не вводила нэп, а была

⁶³ Коненкова Н.В. Внешнеполитические связи Амурской области в 20-х годах XX века // Там же. С. 15-16.

⁶⁴ Карпов В.П., Панарин С.М. К вопросу о периодизации истории отечественной нефтяной промышленности новейшего времени // Тезисы докладов второй республиканской научной конференции «История Советской России: Новые идеи. Суждения». Ч. III. С. 19.

⁶⁵ См.: Мухин М.Ю. Российский государственный архив экономики: комплексы документов по истории военной промышленности в 1921-1941 годах // Отечественная история. 1996. № 4. С. 100-110, Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996. 336 с.

⁶⁶ Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет: Пер. с англ. М., 1989. С. 134.

поставлена на колени крестьянством. Одно это уже порождало психологию реванша.⁶⁷

Практически только начинается изучение новой экономической политики на уровне отдельных регионов. Обращение к ситуации в провинции совершенно необходимо для получения «полнокровной» картины жизни общества. В провинции жизнь более открыта, здесь явственнее, чем в Центре, проявлялись характерные черты времени. Формирование властных структур, зарождение многих черт будущего общества происходило в провинции. Именно здесь планируемое в Москве отливалось в окончательные формы. И поэтому исследования нэпа на местном уровне охватывают столь широкий спектр вопросов, практически не затрагиваемых в «столичной» историографии.⁶⁸ Особый интерес представляет изучение реалий нэпа в национальных районах России. Так, социальная организация башкирской деревни, представленная в годы нэпа официальными (Советы) и неофициальными (община) институтами, показывает весьма незначительный процент участия крестьян в выборах в сельские Советы. Несмотря на попытки компартии оживить работу Советов, коренной перестройки в деятельности этих органов в 20-е гг. не произошло, тогда как наблюдается подъем общины которая в нэповское время превратилась в деятельный орган самоуправления. Сельский сход продолжал решать все основные проблемы сельской жизни, не оставляя ничего на долю советских органов, так как сельские общества имели более мощную материальную базу.⁶⁹

Реальным содержанием наполняется при ближайшем рассмотрении и нэповская схема в сфере промышленного производства. Переход на новые методы хозяйствования начался в Башкирии во второй половине 1921 г., но единственным проявлением новой политики в области промышленности стала сдача в аренду мукомольных и кожевенных предприятий. Этот процесс

⁶⁷ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997 С. 264,321; его же. XX век российской истории и посткоммунистическая советология // Российская империя, СССР, Российская Федерация. С. 10,13,28-30.

⁶⁸ Гущин Н.Я. Переселение в Сибирь в 20-е гг. и его демографические и социально-экономические последствия // Гуманитарные науки в Сибири. Серия «Отечественная история». 1994. № 2. С. 26-31, Лебедева А.В. Состояние городского хозяйства Уфы в 1917-1925 годах // Башкортостан в первой половине XX века: малоизвестные страницы истории: Сборник научных трудов. Уфа, 1997. С. 14-20, Перехов Я.А. Опыт советского строительства в казачьих областях Северного Кавказа в 20-е годы // Проблемы истории казачества XVI-XX вв. Ростов-н/Д, 1995. С. 164-174; Рябинин А.Н. К вопросу об идеологическом обеспечении новой экономической политики в 1921—1925 годы: На материалах Верхнего Поволжья // Проблемы социально-политического развития российского общества. Иваново, 1992. С. 35-42. и др.

⁶⁹ Зарипова Р.К. Деревня Башкирии в годы нэпа: проблема реальной власти на местах // Башкортостан в первой половине XX века. С. 58,61,63.

происходил медленно из-за психологического фактора, а также из-за тяжелых условий аренды (арендатор должен был провести ремонт за свой счет, отдавать 10-20% продукции государству, небольшой срок аренды - 2-6 лет, отсутствие гарантий и пр.). В результате из 501 предприятия, находившегося в ведении БСНХ, к лету 1922 г. в аренду было сдано только 81 (60 - артелям и кооперативам, 21 - частным лицам). Только в начале 1922 г. после завершения реорганизации БСНХ (были упразднены кантсовнархрзы и заменены уполномоченными БСНХ) БСНХ и его предприятия были переведены на хозрасчет. Но тресты так и не стали самостоятельной хозяйственной единицей, так как БСНХ сосредоточил в своих руках всю их торговую деятельность.⁷⁰

Свою специфику имела новая экономическая политика и в других районах России.⁷¹ Собранный по крупицам и вводимый в широкий научный оборот материал местных архивов не только расширяет наши представления о нэпе, но и открывает возможности для воссоздания исторической ткани 20-х гг. во всем многообразии цветов и оттенков, поднимает (с учетом всего богатства оценок и мнений) исторические исследования на качественно новый уровень, когда теоретические обобщения и концептуальные выводы венчают Монблан исторических фактов, а не наоборот.

И все-таки анализ современной историографии нэпа оставляет больше вопросов, чем дает ответов. На первый план здесь выходит выявление сущности «нэповской модели», ее места и роли в российской и мировой истории, показ динамики нэпа (особенно формирование его индустриальной базы). С этим тесно связаны вопросы социальной структуры общества, прежде всего, место и роль в этой структуре рабочего класса и технической интеллигенции. Не решен вопрос о социальных и социологических (властных) последствиях при переходе к нэпу. В стороне осталась проблема влияния международных отношений на планы и развитие промышленного потенциала страны в 20-е гг., в частности, Генуя и советско-германское сотрудничество в области промышленного и военного строительства, влияние на хозяйственную политику «полосы дипломатического признания» СССР и связанного с этим расширения торговых связей. Все еще

⁷⁰ Шафикова А. В. Первый год работы промышленности Башкирии в условиях новой экономической революции // Там же. С. 69-71.

⁷¹ См.: Виноградов С.В. Нэп: опыт создания многоукладной экономики. М., 1996. 124 с.; Скрыпников А.В., Черных В.М. Особенности хозяйственного развития Центрального Черноземья в годы нэпа // Актуальные проблемы отечественной истории. С. 83-88; Щетнев В.Е. Нэп и кубанское казачество // Проблемы истории казачества XVI-XX вв. С. 157-159; Юдина Т.В. Развитие промышленности Нижне-Волжского края в годы нэпа // Проблемы отечественной истории. Волгоград, 1994. С. 121-128. и др.

недостаточно изучены некоторые ключевые параметры нэповской экономики - степень восстановления различных отраслей, сравнительный уровень капитальных вложений в отдельные сектора народного хозяйства в 20-е гг. и т.п. Современное состояние историографии 20-х гг. характеризуется раздробленностью рыночной проблематики при углубленном анализе уже накопленных знаний о нэпе. Эти и другие вопросы (впрочем, как и остальные проблемы российской истории XX в.) ждут своих исследователей, которые находятся только в начале пути к познанию реального исторического процесса. Назрела необходимость создания обобщающего труда как по историографии, так и по истории новой экономической политики.